

В городе S весна только-только начиналась, и со словом «тепло» это пока никак не вязалось. Люди вокруг вытаскивали из сумок плотные куртки и торопливо натягивали их на себя, и только Тан Хуай, с застывшим, холодным лицом, шагал вперёд так быстро, будто опаздывал на что-то важнее собственной жизни.

На нём не было даже ветровки — одна чёрная футболка. Опустив голову, он стремительно прошёл мимо. Тусклый, холодный свет раннего утра вытянул его тень в длинную ровную линию. Люди ахали, оборачивались, провожали его взглядами, но сам он не замечал ничего.

В подземной парковке Цзи Чэнь спал прямо в машине.

Тан Хуай взял билет на ранний рейс. Цзи Чэнь накануне ещё задержался в баре и вышел оттуда уже глубокой ночью. Боясь не успеть к прилёту, он просто приехал в аэропорт заранее и решил поспать там.

Тан Хуай молча открыл дверь, сел на пассажирское сиденье, и тёплый воздух из печки пополз от его рук по всему телу. Он без церемоний хлопнул ладонью Цзи Чэня по бедру.

— Как он?

Цзи Чэнь дёрнулся и распахнул глаза. Сонный, растрёпанный, он несколько секунд тупо смотрел на Тан Хуая, прежде чем сообразил, где находится.

Сев ровнее, он наспех провёл рукой по волосам и хрипло, с густой усталостью в голосе, ответил:

— В больнице. Врач сказал, забрать бы его поскорее.

Тан Хуай кивнул, вытащил из кармана его куртки пачку сигарет, закурил и, откинувшись на подголовник, спросил:

— Квартиру привести в порядок велел?

— Велел. Всё готово, только тебя и ждут. Дальше сам решай. Если оставлять его в больнице — просто доплатим.

Цзи Чэнь тоже закурил, чтобы прийти в себя, нажал на газ и вывел машину с парковки. Усмехнувшись, бросил:

— У тебя родной отец при смерти, а всё разгребал я. Как благодарить будешь?

— За такую услугу словами не благодарят, — Тан Хуай скосил на него взгляд. — Да и в больнице пусть остаётся, если что. Дома за ним некому ухаживать, он даже поесть нормально не сможет.

— Ну и бессердечный же ты, — фыркнул Цзи Чэнь. — Как-никак твой отец.

Тан Хуай опустил стекло. Дым вместе с его словами вылетел в серое утро.

— Когда я вылезал из постели А-Сюя, он ещё спал. Проснётся — точно разозлится. Цена и так уже немаленькая.

Цзи Чэнь знал всю эту семейную грязь и больше не стал ковырять друга по живому. Только спросил:

— Ты правда не скажешь Сун Цинсюю?

Тан Хуай помолчал и очень быстро покачал головой.

— Если скажу, А-Суй обязательно приедет. Не хочу, чтобы он видел эту мерзость.

Тан Чжэньпин свалился внезапно.

Ещё накануне он до глубокой ночи сидел в маджонг-клубе, а утром, спустившись позавтракать, вдруг рухнул прямо в забегаловке.

Когда полиция связалась с Тан Хуаем, тот как раз собирался пойти в задний двор к Сун Цинсюю. Он дал им номер Цзи Чэня, который как раз был по делам в городе S, и сказал, что сам приедет как можно скорее.

На самом деле приезжать он не собирался. И если бы Цзи Чэнь не позвонил и не сказал, что Тан Чжэньпин вот-вот сдохнет, он бы и правда не приехал.

Больница.

Цзи Чэнь не стал оформлять Тан Чжэньпина в стационар, так что пока тот лежал на койке в приёмном покое.

В коридоре не было тихо: врачи объясняли состояние пациентов, родственники плакали, кто-то спорил, кто-то молился. Тан Хуай и Цзи Чэнь молча прошли мимо всего этого. Их молчание, их осанка, сама их аура были настолько неуместно чужими в этом хаосе, что на них невольно оборачивались.

Тан Чжэньпин не приходил в себя. Из него торчало несколько трубок, и только ровный ритм монитора да запотевшая маска дыхательного аппарата доказывали, что человек перед ними всё ещё жив.

За те несколько лет, что они не виделись, он изменился до неузнаваемости. Исхудал, осунулся, скулы проступили так резко, что на него было почти страшно смотреть.

Губы Тан Хуая шевельнулись — он что-то сказал.

Цзи Чэнь не расслышал и наклонился ближе:

— Что?

Тан Хуай прочистил горло и повторил:

— Хорошо, что А-Сюя не взял. В таком виде он бы его напугал.

Цзи Чэнь: ...

— Ты серьёзно считаешь, что Сун Цинсюй у тебя хрустальная ваза? Это просто больной человек. Чего тут бояться?

Тан Хуай криво усмехнулся. Стоило зайти речи о Сун Цинсюе, и его тут же понесло.

— Ты не понимаешь. С виду А-Сюй ничего не боится, но внутри он очень тонкий. Он чувствует, что о нём думает каждый. И, чтобы проще влиться в окружение, он всё время себя сдерживает. Иногда его ранят, а он всё равно не может ударить в ответ по-настоящему.

От этих слов Цзи Чэнь не только в очередной раз наелся их любовным сиропом по уши, но и понял: с Тан Хуаем что-то не так.

Он выпрямился, посмотрел на спину друга, потом молча вышел в коридор и набрал Сун Цинсюя.

На первый звонок тот не ответил.

Тогда Цзи Чэнь отправил сообщение:

[С Тан Хуаем беда]

Не прошло и пары секунд, как Сун Цинсюй перезвонил.

— Где он?

Цзи Чэнь назвал адрес больницы и добавил:

— Если доберёшься только к вечеру, я потом скину новый адрес.

На том конце вдруг стало очень тихо.

Цзи Чэнь отнял телефон от уха, глянул на экран, убедился, что вызов не прерван, и нахмурился:

— Ты меня слышишь?

— Слышу, — отозвался Сун Цинсюй. Голос у него был чуть суховат. — Я уже выезжаю. Как приеду — свяжусь.

Он повесил трубку, развернулся и подошёл к стойке регистрации.

— Простите, я кое-что забыл в номере. Не могли бы вы провести меня наверх?

.

Когда самолёт Сун Цинсюя приземлился в городе S, уже смеркалось. Билет он брал в спешке, поэтому летел в экономе; даже маску купил уже в аэропорту, на месте.

Он боялся даже думать, кто именно лежит в больнице. Больше всего боялся, что это Тан Хуай. И не знал, что будет делать, если это и правда окажется он.

А ещё была WS. Что будет с командой?

Столько игроков, столько сотрудников ждут от них результата. Болельщики тоже ждут. Все ждут, что они покажут себя, и вот именно сейчас один из них внезапно заболевает — что тогда делать с плей-офф?

Сун Цинсюй устало прикрыл глаза.

Разум подсказывал ему очень простой ответ на все эти вопросы: ничего не делать. Сначала Тан Хуай должен выздороветь, а остальное потом.

Такие случаи уже бывали. Профессиональные игроки часто выходят на сцену с травмами — кто-то даже едет в больницу на блокаду, а потом всё равно играет матч. Никто их не заставляет. Это их собственный выбор.

Если Тан Хуай действительно окажется не в состоянии выйти на сцену, значит, он сам будет стараться ещё сильнее — и за себя, и за Тан Хуая. А потом дожждётся его возвращения, и они снова будут двойным ядром WS.

Но если отбросить всё это — статус игрока, команду, матчи, — и оставить только его самого?

Сун Цинсуй вдруг понял: тревога в нём уже давно перевесила разум. В эту минуту он не мог успокоиться, не мог всё обдумать до конца и уж тем более не мог дать себе идеальный ответ.

В нём были тревога, страх, ужас.

И Тан Хуай.

Очень много Тан Хуая.

Бесчисленные мгновения, в которых они были рядом: школьные годы, первые дни Тан Хуая на базе, задний двор, Новый год, квест-комната... и вчерашняя ночь.

И без того чёткие черты Тан Хуая становились в его памяти ещё яснее.

Неизвестно почему, ему вдруг вспомнились те слишком интимные сны. А потом — тот аккаунт с его странными постами.

У Сун Цинсюя не отпускало чувство, что он упустил нечто важное.

Выйдя из аэропорта, он написал Цзи Чэню:

[Ты где?]

Тот быстро прислал геолокацию.

Знакомый адрес заставил Сун Цинсюя остановиться. Перед глазами сразу всплыл тот мужчина средних лет, явившийся к школе, и вслед за этим накатило то самое чувство — будто тебя перемалывают сплетни, пересуды, чужие взгляды.

Ветер в городе S по-прежнему был слишком холодным. Тогда, много лет назад, он так к нему и не привык. И сейчас, даже весной, ему казалось, будто он снова проваливается в ледяную яму.

Тот растерянный, беспомощный взгляд — один в один, как четыре года назад.

Ему правда туда идти?

И если пойдёт — что скажет?

Позволит ли Тан Чжэньпин вообще увидеть Тан Хуая?

Сун Цинсюй поднял голову и посмотрел на почти прозрачный, холодно светящийся молодой месяц в серо-белом небе.

Картина показалась смутно знакомой.

И только когда он уже сел в такси, понял почему: в день, когда он уезжал из города S, над небом висела точно такая же луна.

Водитель вежливо спросил:

— В новый район застройки, да?

Разум Сун Цинсюя отчаянно советовал ему выйти из машины, пока не поздно, поехать в аэропорт, взять билет и вернуться в Шанхай, если он не хочет снова пройти через унижение.

Но губы и голосовые связки его не слушались.

— Да.

Он сам услышал, как это сказал.

— Пожалуйста, побыстрее. Мне нужно срочно увидеть человека.

Водитель тут же закивал, но час пик оставался часом пик: машина ползла рывками, и мысли Сун Цинсюя тоже то обрывались, то снова начинались.

К воротам жилого комплекса он добрался лишь через час.

Поблагодарив водителя, он вышел и застыл у входа, глядя на тёмные ворота, полускрытые вечерним мраком.

Номер дома и квартиры он помнил, а вот направление — уже нет. Он как раз собирался спросить кого-нибудь, когда, обернувшись, увидел Тан Хуая, идущего с другой стороны дороги.

Только тогда застрявший в груди воздух наконец вышел.

Слава богу. Слава богу, Тан Хуай не болен.

На юге таких, как Тан Хуай, ростом под метр девяносто, встретишь нечасто. И на сцене, и на базе, и просто где угодно он всегда был тем, кто невольно выделяется из толпы.

А с этими холодными, высокомерными глазами — и вовсе мало кто мог остаться равнодушным.

Но сейчас, в промозглый ранневесенний вечер, под тонким серпом луны и под режущим северо-восточным ветром, Тан Хуай шёл к нему в одной футболке, с пакетом в руке — медленно, твёрдо, шаг за шагом.

Высокая фигура удивительно сливалась с этим городом, будто дерево, до этого выращенное в воде, наконец пересадили в землю: корни сразу пошли в рост, и крона стала гуще, свободнее.

Совсем как при их первой встрече четыре года назад: та же лёгкая одежда, то же холодное лицо.

И сердце Сун Цинсюя, как и тогда, вдруг сбилось с ритма.

Ну ладно, подумал он.

Значит, решение не улетать сразу в Шанхай было правильным. Потому что Тан Хуай не заболел — но выглядел так, будто ему очень больно.

Он уже решил, какой ответ даст Тан Хуаю. А значит, теперь обязан проследить, чтобы с тем всё было в порядке — и физически, и душевно.

Куртка висела у него на сгибе локтя с самого утра и уже успела пропитаться его запахом. Когда Сун Цинсюй набросил её Тан Хуаю на плечи, сердце, болтавшееся у того где-то в пустоте весь день, наконец уверенно вернулось на место.

Тан Хуай не сумел скрыть изумления:

— Ты как здесь оказался? Цзи Чэнь сказал? Тебе не холодно? Есть хочешь?

Сун Цинсюя тут же сгребли в ледяные объятия. Он со всего маху стукнулся носом о плечо Тан

Хуая, и в глазах сразу выступили слёзы — самые настоящие, от боли.

— Тебе, значит, можно приезжать по делам, а мне нельзя? Да, Цзи Чэнь сказал. И вообще, с каких это пор о твоих делах я должен узнавать от посторонних? Ты бы лучше над этим подумал. Мне холодно? Я всё равно теплее тебя. Ты вообще молодец — возомнил себя Брандом, да? Давай, зимой тоже ходи в одной футболке, если такой герой. И есть я тоже не хочу. Я уже так разозлился, что сытым стал.

Отвечая на вопросы один за другим, он не удержался и больно ущипнул Тан Хуая за талию.

— Взял и исчез. Если бы ты меня разбудил, думаешь, я бы не отпустил тебя?

Сун Цинсюй уставился на него круглыми от злости глазами.

А Тан Хуай вдруг усмехнулся и тихо сказал:

— Я не боялся, что ты остановишь. Я боялся, что ты начнёшь ко мне ласкаться. А если ты начинаешь ласкаться, у меня против тебя нет шансов.

— Слушайте, ребята, может, будете роман разводить хотя бы в доме? Вам тут не холодно — стоять и обниматься? — Цзи Чэнь быстрым шагом подошёл ближе и вежливо улыбнулся Сун Цинсюю. — А я-то думал, чего это Тан Хуай вдруг выбежал. Оказывается, тебя увидел.

Щёки Сун Цинсюя слегка порозовели. Он отступил из объятий Тан Хуая, кивнул Цзи Чэню и с недоумением спросил:

— Увидел меня? Но я же на машине приехал.

Лишившись только что тёплого тела в руках, Тан Хуай едва сдержал недовольство и пустоту внутри и честно объяснил:

— Ага. У тебя окно было открыто. Я тебя узнал.

На таком расстоянии, да ещё в машине — и он всё равно сумел разглядеть. Оставалось только уважать его зрение.

Цзи Чэнь хлопнул Тан Хуая по плечу:

— Ну что, как поступим? Пойдём поесть или домой?

Тан Хуай сунул ему в руки пакет:

— Ты сам домой. Я его уведу ужинать.

Цзи Чэнь вытаращился на него с таким лицом, будто услышал признание в убийстве. Он давно знал, что Тан Хуай из тех, кто влюбится — и сразу забудет о друзьях, но всё равно каждый раз тяжело это переносил.

— Не, ну ты издеваешься? Если бы не я, ты бы сейчас грустно жрал лапшу быстрого приготовления, а не виделся с Сун Цинсюем. И после этого ты хочешь просто меня сплавить? Нет уж, куда бы вы ни пошли, я иду с вами.

Тан Хуай уже открыл рот, но Сун Цинсуй опередил его:

— Да не слушай ты этот бред. Конечно, пойдёшь с нами. Мы, кстати, ещё ни разу не ели вместе.

— А ведь и правда! Всё, решено, этот ужин я не пропущу! — оживился Цзи Чэнь, запихнул оба пакета обратно Тан Хуаю и, обняв Сун Цинсюя за плечи, потащил его вперёд.

Тан Хуаю ничего не оставалось, кроме как идти следом.

Он прекрасно понимал, что Сун Цинсуй и обижается, и слегка капризничает нарочно. Понимал и зачем вмешался Цзи Чэнь. Отказать ни одному из них он не мог — ни любимому человеку, ни другу, который из лучших побуждений пытался разрядить обстановку.

Сделав пару быстрых шагов, он сбил руку Цзи Чэня с плеча Сун Цинсюя.

— Не трогай его.

Цзи Чэнь обернулся:

— Брат, я вообще-то натурал, ладно? Натурал!

Сун Цинсуй холодно усмехнулся:

— И зачем ты ему это объясняешь? Он у нас и небо, и землю контролирует, теперь ещё будет решать, кто тут натурал, а кто нет?

— Вот именно! Это уже вообще перебор! — тут же поддакнул Цзи Чэнь.

Тан Хуай: ...

Ну да. Тут он сам виноват.

Провинился — стой смирно и принимай. Только так можно было не дать Сун Цинсюю огорчаться ещё сильнее.

Пройдя немного вперёд, они увидели открытый ресторан с медным самоваром для мяса и зашли внутрь.

Вообще баранину лучше есть зимой, но хотя деревья уже давно пустили почки, холод стоял собачий — согреться было самое то.

Все трое за день ничего не ели, так что одной баранины заказали больше трёх цзиней, не считая прочих добавок. В итоге едой был заставлен не только стол, но и вся полка для продуктов рядом.

Даже в помещении Тан Хуай не снял куртку. Только закатал рукава до предплечий и пошёл смешивать соус для Сун Цинсюя.

Тот только обрадовался, что кто-то сделает всё за него, и тут же перехватил Цзи Чэня с расспросами.

Цзи Чэнь коротко пересказал, как Тан Хуай попросил его о помощи. Больше лишнего не добавил, но отдельно подчеркнул, какие у Тан Хуая отношения с Тан Чжэньпиным.

— Нам, младшим, вроде как не стоит обсуждать старших, — сказал он, — но его отец и правда перегнул палку во многих вещах. Так что неудивительно, что Тан Хуай его ненавидит.

Увидев, что Тан Хуай возвращается, он тут же заткнулся.

— А что там конкретно — это вам уже самим обсуждать. Я всё-таки человек со стороны, не мне в это лезть.

С этими словами Цзи Чэнь взял пиалу и ушёл делать себе соус.

Тан Хуай поставил перед Сун Цинсюем соус, смешанный точно под его вкус, сел напротив и спросил:

— О чём вы говорили? Почему Цзи Чэнь при моём виде сразу занервничал?

Сун Цинсюй вместо ответа задал свой вопрос:

— Если бы я позвонил тебе и спросил про всё это... если бы я вообще не приехал... ты бы сказал мне правду?

— Конечно, — без малейшего колебания ответил Тан Хуай.

Он никогда не лгал бы Сун Цинсюю.

Сун Цинсюй кивнул. Этого ответа ему было достаточно. Он тихо усмехнулся:

— Тогда давай поговорим после ужина.

У Тан Хуая сердце моментально подскочило к горлу. Он посмотрел на заставленный блюдами стол и невольно подумал, не заказать ли ещё чего-нибудь, лишь бы растянуть этот ужин подольше.

Пусть А-Сюй и злился, но рядом были и друг, и он сам, и в целом эта сцена казалась до странности тёплой.

Тан Хуаю очень хотелось удержать это тепло.

<http://bllate.org/book/18105/1736446>